УДК 930.26 (571.63)

Гельман Е.Н.

Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней

Введение

Остатки бохайского города-порта Краскинского городища (Яньчжоу) расположены на юге Приморского края, на берегу бухты Экспедиции залива Посьета. Памятник является ключевым для археологического изучения государства Бохай (698–926 гг.) в России. Это было первое государственное образование, созданное преимущественно тунгусо-маньчжурскими народами. Владения Бохая охватывали юго-восточную Маньчжурию (КНР), северную часть Корейского полуострова (КНДР) и юго-западную часть современного Российского Приморья.

Письменные сведения по истории Бохая сохранились частично в китайских и японских хрониках, а также более поздних корейских. Все они детально изучены современными историками, но нуждаются в проверке и подкреплении новыми данными. Единственным источником дополнительной информации остаются широкие и систематические археологические исследования.

Территориально-административное устройство в Бохае сложилось в основном во второй половине VIII в. при третьем правителе Да Циньмао (737–973 гг.) под китайским (эпохи Тан) влиянием. Из китайских и японских хроник известно, что к началу IX в. в Бохае были образованы 15 областей, 62 округа и 125 уездов. Остатки четырёх столиц (Верхняя, главная столица – Лунцюаньфу, Западная – Ялуфу и Восточная – Лунъюаньфу) находятся в КНР и одной (Южной – Наньхайфу) – в КНДР. Как установлено к настоящему моменту, на территории России были расположены часть бохайской области Шуайбинь в долине р. Раздольная (Суйфун – субстратный топоним, сохранившийся с эпохи раннего средневековья) и округ Янь, входивший в столичную область Лунъюаньфу (Восточная столица). Центр округа Яньчжоу находился на Краскинском городище, примерно в 50 км от остатков столицы – городища Баляньчэн недалеко от современного г. Хунчунь.

Использованные материалы и методы изучения

Исследование основано на архивных источниках, материалах полевых работ, публикациях, отражающих данную тему. Традиционно при изучении памятника применялись археологические методы стратиграфического и планиграфического анализа. Для датировки культурных отложений применялись радиоуглеродный, стратиграфический и типологический методы. При изучении планиграфии памятника полезными и эффективными стали геофизические методы: электрометрия, магнитометрия, капшметрия (последнее определение в процессе раскопок намагниченности культурных отложений).

Геологические методы позволили выявить возможные местонахождения природных источников горного сырья, которое использовалось населением Краскинского городища для строительства и бытовых нужд, а также определить границы зоны хозяйственного использования прилегающей территории. Для реконструкции природных условий и определения биоресурсов, использовавшихся бохайцами, применялись палинологический и диатомовый анализы, методы зооархеологии и палеоботаники. При анализе артефактов невозможно было обойтись без методов изучения состава веществ, таких

© Гельман Е.Н., 2018

ГЕЛЬМАН Евгения Ивановна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: gelman59@mail.ru

как мокрый химический анализ, спектроскопия, рентгенофлуоресцентный и другие.

Исторические вехи исследований средневекового города

Впервые предположение о том, что в районе залива Посъета может находиться бохайский порт, высказал архимандрит Палладий – священнослужитель Православной Российской церкви, в миру Кафаров Пётр Иванович (1817–1878 гг.). Впервые он попал в Китай в составе 12-й русской православной миссии в Пекине (1840–1847 гг.), а позднее был назначен начальником 13-й (1849–1859 гг.) и 15-й (1865–1878 гг.) миссий [9, с. 114–122; 10; 13, с. 87]. Только в 1860–1864 гг. он служил в Риме, после чего опять попросился в Пекин. Пётр Иванович прожил в Китае в целом 30 лет, изучая китайский язык и культуру. Он собрал обширный материал на китайском, корейском, японском языках по истории народов Дальнего Востока. К сожалению, большинство его книг исчезли, когда он умер в Марселе в 1878 г., возвращаясь в Россию морским путём.

Благодаря энциклопедическим знаниям Архимандрита Палладия Императорское Русское географическое общество обратилось к нему с просьбой осуществить путешествие в Уссурийский край в 1870–1871 гг. с целью изучения истории и этнографии. Архимандрит Палладий выбрал очень сложный маршрут: Пекин – через горный проход Шаньхайгуань к Гирину и прямо на север к Амуру – Айхунь и Благовещенск – Хабаровск – Южно-Уссурийский край. Он покинул Пекин 30 апреля 1870 г. Его сопровождал картограф Гаврила Нахвальных, который выполнял сложную съёмку территории, неизвестной для европейцев. Часть дневника Петра Ивановича о путешествии от Пекина до Благовещенска была переписана, а карта скопирована англичанином Эдвардом Дельмаром Морганом (1840–1909). Он выступил на заседании Лондонского королевского географического общества 18 марта 1872 г. и опубликовал эти заметки в журнале [20, 204–217; 18, с. 204–217].

Данные о древностях в Уссурийском крае, предварительно осмотренные М.И. Венюковым (1832–1901), И.А. Лопатиным (1832–1909), Н.М. Пржевальским (1839–1888) и другими русскими путешественниками и учёными оченьгодились Архимандриту Палладию при подготовке к экспедиции. Он обследовал многие памятники во время своей поездки, для идентификации древних поселений и городов использовал сведения из китайских летописей. Китайские монеты, найденные во время обследования, стали датирующим материалом. Пётр Иванович посетил бухты Ольга и Находка, обследовал городище вблизи р. Партизанской (Николаевское-1), осмотрел остатки укреплений вблизи с. Никольского. Он отметил наличие в Уссурийском крае памятников добохайского времени – илоу, уги, мохэ. В апреле 1871 г. П.И. Кафаров побывал в бухте Экспедиции – на Краскинском городище, которое считал бохайским портом и центром округа Янь, упоминавшимся в летописях. Впервые Архимандрит Палладий об этом месте упоминает в письме Императорскому Русскому Географическому Обществу (РГО) от 23 августа 1870 г. Он отметил что, судя по материалам китайских летописей "в Посъете, между реками Яньчу (Яньчихэ) и Гицинь (Казинь) долженствовал быть в старину военный порт." Но побродив по памятнику и не увидев остатков монументальных сооружений, Пётр Иванович усомнился в том, что городище представляет собой остатки морского порта, он ошибочно определил его как остатки хранилища солеварен. Его не убедили даже собранные обломки керамики и черепицы с ornamentированными дисками, грубо обработанные камни (Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8. – Кафаров Палладий, архимандрит. Пребывание во Владивостоке и посещение южно-уссурийских портов в 1871 г.)¹. Тем не менее, каждая строчка его дорожных заметок и ныне имеет значительную ценность для историков и археологов. Дневники Петра Ивановича с подробными записями хранятся в архиве РГО. К сожалению, они полностью никогда не были опубликованы.

Городище дважды подвергалось частичному разрушению. С 1864 г. в районе залива Посъета появились посёлки корейских крестьян-переселенцев из Кореи – Тизинхэ, Янчихэ, Сидими, Адими, Краббе, Фуругельма [1]. В кон-

¹ Архив РГО – Архив Русского географического общества.

Рис. 1. Местоположение Краскинского городища и могильника
Источник: составлено автором на основе [12, с. 111, рис. 2]

це XIX в. корейские крестьяне устроили усадьбу в северной части Краскинского городища и часть его площади распахали. В 30–50-х гг. XX в. подразделения местного воинского гарнизона проводили здесь учения, от которых сохранились следы окопов, землянок и блиндажей. Тем не менее, в целом Краскинское городище сохранилось достаточно хорошо.

В следующий раз городище на берегу бухты Экспедиции специально обследовалось только в 1958 г., когда его посетили молодые московские учёные Гаральд Иванович Андреев (1926–1970) и Жанна Васильевна Андреева (1930–2015) во время археологических поисков в составе Прибрежного отряда Дальневосточной археологической экспедиции на юге Приморья близ бухты Экспедиции (**Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 1777. Л. 12**)².

В 1960 и 1963 гг. памятник обследовал Эрнст Владимирович Шавкунов (1930–2001). Он выполнил инструментальную съёмку крепостных сооружений и на основе собранной черепицы датировал памятник VIII–X вв. [17, с.

² Архив ИА РАН – Архив института археологии РАН

Рис. 2. План Краскинского городища

Источник: составлено автором на основе [7, с. 118, рис. 1]
с дополнениями по результатам полевых исследований автора

141–144]. Э.В. Шавкунов пришёл к выводу о том, что городище является центром бохайского округа Янь, откуда осуществлялась основная связь Бохая с Японией. Таким образом, первоначальное предположение Архимандрита Палладия подтвердилось. В настоящее время эту точку зрения поддерживают все китайские, японские и южнокорейские археологи и историки.

Раскопки на памятнике ведутся уже более четверти века археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, сначала под руководством В.И. Болдина (с 1980 по 2007 гг.), затем – Е.И. Гельман [8, с. 211–213].

Результаты исследований

Краскинское городище располагается в приустьевой правобережной части долины р. Цукановки (Яньчихэ), изрезанной со стороны бухты Экспедиции узкими ингрессионными заливчиками (рис. 1). Название реки в начале XVIII в. на китайских картах представлено как Янчухэ [15, с. 151, 152]. Вероятнее всего оно восходит к субстратному топониму в китайском переводе и связано с названием центра округа Яньчжоу (означает Соляной округ). Вероятно, город контролировал производство соли, но важнейшая функция Краскинского городища была обусловлена его удачным географическим положением – из этого города-порта начиналась морская дорога в Японию.

От берега и бухты городище отстоит на 400 м, от ближайшего залива – примерно на 100 м. Городище имеет форму, близкую к прямоугольнику с дугообразным северным валом, периметр которого достигает 1380 м, а площадь поверхности внутри валов составляет около 12,6 га (рис. 2). В настоящее время вал возвышается на высоту 1,5–2 м. Примерно таким же его увидел Архимандрит Палладий: "...В полверсты от бухты есть старинный городок почти овальной формы; он поднят над уровнем окрестной местности на сажень" (Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8). На некоторых участках задернованного вала обнажились его каменные конструкции. Ширина вала по верху составляет 1 м, а в его основании – 10–12 м.

Осевая линия городища ориентирована на север с отклонением на 20 градусов к востоку. Имеются трое ворот (южные, восточные и западные), защищённые с внешней стороны прямоугольными предвратными укреплениями. Выходы из укреплений восточных и западных ворот обращены на юг, т.е. в сторону бухты Экспедиции, а выход из южных ворот – в сторону устья реки Цукановки (Яньчихэ).

Северо-западная часть внутри городища является наиболее возвышенной. Самая низкая часть находится ближе к южным воротам. От южных ворот в направлении северной крепостной стены прослеживается понижение (до 30 м шириной), предположительно улица, разделяющая город на восточную и западную части. Во время посещения городища П.И. Кафаров обратил внимание, что "внутри его попадаются грубо обделанные камни и обломки черепицы" (Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8).

В бохайское время климат, судя по некоторым археологическим и, косвенно, по летописным данным был несколько теплее. На нескольких бохайских памятниках Приморья обнаружены два вида вымерших морских моллюсков – анадар (*Anadara inaequalis*, *Anadara subcrenata*), происходивших из северной части залива Петра Великого. Находки этого моллюска указывают на более тёплый гидрологический режим в бохайское время по сравнению с современным на 1–2, как следствие более тёплых климатических условий [14, с. 133]. Палинологические исследования на Краскинском городище [11, с. 351–354] показали изменения природных условий на протяжении его существования. До того, как оно было построено, на этой территории были густые долинские леса. В период функционирования памятника предположительно происходила смена нескольких периодов: с сухого на влажный, а затем снова на более засушливый. Диатомовый анализ свидетельствует о том, что материковые отложения содержат находки морских и солоновато-водных диатомовых водорослей, а в культурных отложениях присутствуют пресноводные речные и озёрно-болотные диатомовые водоросли. Это свидетельствует о неоднократных паводках и формировании в северной части городища рыхлых отсортированных отложений [11, с. 354]. В процессе изменений природных условий изменялась береговая линия бухты Экспедиции, а также русло р. Цукановки (Яньчихэ). На следы многочисленных наводнений в долине реки обратил внимание и Архимандрит Палладий: "...По болотистой долине видны следы разливов Яньчухэ на далёкое пространство" (Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 8).

Геологические исследования Краскинского городища [16, с. 131–140] и его окрестностей выявили минеральные ресурсы, которые использовались его жителями. Изучение элементов строительных конструкций городища и горных пород из его окрестностей, анализ геологических карт и данные геологических маршрутов позволили установить, что все обломки каменного материала, обнаруженные на памятнике, не являются местными образованиями. Они оказались на территории городища в результате деятельности человека. Природные камни, применявшиеся в строительстве на городище делятся на окатанные и неокатанные. Окатанные камни доставлялись из мест, где возможна его естественная обработка (русла и прирусловые участки рек, пляжи на морском побережье). Неокатанные обломки отбирались из природных карьеров (коренные обнажения, склоновые россыпи). Для строительства и хозяйственных нужд жители Краскинского городища использовали горные породы, распространённые в его окрестностях. Кроме того, П.И. Кафаров обратил внимание, что в долине другой ближайшей к городищу р. Нли есть следы добычи золота (Архив РГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 11. Л. 9), запасы которого

в настоящее время промышленного значения не имеют. Он также отметил открытые каменноугольные шахты в долине р. Яньчихэ (Цукановки). В процессе раскопок на памятнике установлено, что бохайское население активно использовало каменный уголь для отопления жилищ и в производственной деятельности. В целом, зона хозяйственного использования минерального сырья характеризуется концентрическим строением с центром в месте расположения городища. Её радиус не превышает 10 км [16, с. 139, 140]. Главными транспортными артериями для доставки камня являлись море и река.

Городские укрепления городища первоначально сооружались из грубо обработанных каменных блоков (в среднем $0,3 \times 0,4 \times 0,8$ м) в основном белого цвета с желтоватым оттенком (туфы). Выходы аналогичных пород известны в междуречье Цукановки и Камышовой, а также вблизи устья р. Гладкая. Камень добывали в естественных карьерах и транспортировали по ингрессионному заливу и вдоль северного побережья бухты Экспедиции.

Из туфов были сложены две стены крепостного вала – внутренняя и внешняя, расстояние между ними – чуть более 2 м, пространство между ними засыпалось землёй. Наружная кладка была высотой 2,6–2,7 м, внутренняя – 1–1,2 м. Ворота первоначально представляли собой проход в стене шириной около 5 м. На следующем этапе были построены защитные сооружения ворот и башни, а также неоднократно осуществлялся ремонт стен. Фронтальные башни построены из каменных блоков, одна из них раскопана на восточном участке стены. Размеры башни составили $3 \times 4,75$ м.

Защитные сооружения ворот (захабы) имеют прямоугольную форму и в настоящее время их размеры в заплывшем состоянии составляют 25×38 – 44 м. Проход в городской стене прикрывается глухой стеной (длиной 38–44 м), выход из захаба у западных и восточных обращён в сторону бухты Экспедиции (на юго-запад), а у южных ворот – на р. Цукановку (на юго-восток). Раскопки проводятся только на восточных воротах, и они ещё не завершены. В процессе исследований установлено, что толщина стен защитных сооружений ворот составляет 5,5 м. Длина короткой стены составила 14,4 м, длинной стены – 16,6 м. Ширина прохода в юго-западной короткой стене – 5 метров. Расстояние от прохода в крепостной стене до юго-западной стены захаба достигает 11,3 м, площадь внутри защитных сооружений составляет 239 м^2 . С юго-востока к ним ведёт дорога с галечным покрытием, которая имеет мощную подушку из битой, использованной черепицы (в ней сохранились колеи от тележных колёс) и грубозернистого песка. Сверху уложена крупная галька, забутованная мелкой галькой и песком. Дорога в захабе под прямым углом ведёт к проходу в городской стене. Её ширина внутри защитных сооружений ворот составила 2–4 м вместе с черепичным слоем. Удалось также проследить небольшой отрезок этой дороги с внутренней стороны города.

Для ремонта использовался окатанный и слабо крупный окатанный камень, который мог добываться в центральной и южной частях полуострова Новгородского и на северо-восточном побережье бухты Экспедиции. Доставка на городище такого камня могла осуществляться прибрежно-морским путём на расстояние до 6,5 км. На последнем этапе существования памятника крепостные стены были перекрыты галечно-земляной насыпью. Подобный камень залегает в русловых отложениях р. Цукановка, откуда его по реке доставляли в городище. Ширина прохода в воротах на этом этапе составляла около 3,5 м.

Планировка городища изучена частично, но уже можно сказать, что город был поделён на прямоугольные кварталы, ориентированные относительно центральной оси памятника (примерно по линии север-юг) с небольшим отклонением к востоку. Постройки внутри кварталов ориентированы преимущественно диагонально относительно сторон света. Эти данные первоначально получены на основании раскопок, а затем подтвердились результатами магнитометрии и бурения [3; 6].

В северо-западной части памятника располагался храмовый комплекс, к югу и востоку от него частично изучены жилые кварталы. В процессе археологических исследований установлено, что мощность культурных отложений на городище превышает 2 м. На разных участках выявлено несколько строительных горизонтов. В районе храмового комплекса установлено наличие трёх горизонтов, в районе жилых кварталов пять-шесть горизонтов. Вероятно,

Рис. 3. Ситуационный план объектов, расположенных в северо-западной части городища

Источник: составлено автором на основе [5, с. 76, рис. 1]
с дополнениями по результатам полевых исследований автора

такая разница обусловлена разной продолжительностью существования объектов. Жилища, по сравнению с храмовыми постройками, безусловно, были менее долговечны. Храмовый комплекс отделялся от других кварталов города оградой на каменном основании. На основании капшаметрии в сочетании с геохимическим исследованием отобранных образцов почвы из разных строительных горизонтов была построена геохимическая модель культурного слоя на одном из полностью раскопанных участков. Она подтвердила результаты археологических исследований [2, с. 72–76].

Для изучения планировки памятника существенное значение имеют дороги. Кроме дороги с каменным покрытием в районе восточных ворот, найдены участки дорог в жилом квартале в северной части памятника, в том числе перекрёсток двух дорог, ориентированных по линии восток-запад и север-юг, он позволил выявить разделённые дорогами фрагменты четырёх кварталов, исследования которых продолжаются. На участке дороги, ориентированной по линии север-юг выявлены пять строительных горизонтов, причём в четырёх верхних горизонтах дорога имела каменное покрытие. Ширина дорожного полотна на этих выявленных участках достигает 5 метров вместе с обочинами. Ширина галечного покрытия 2–2,5 м.

Храмовый буддийский комплекс находится в северо-западной возвышенной части городища (рис. 3), примыкает к северному участку крепостной стены и в верхнем строительном горизонте отделяется от городских кварталов оградой на каменном фундаменте (изучен южный отрезок ограды). Ворота устроены напротив храма, а дополнительный проход — ближе к крепостной стене. Храмовый комплекс начал функционировать на раннем этапе существования городища, судя по находкам черепицы в нижнем пятом строительном горизонте в жилом квартале. Вместе с тем выявлены только три строительных горизонта, отражающие динамику застройки комплекса, что, видимо, объясняется тем, что храмовые здания перестраивались существен-

но реже, чем жилища. Все сооружения были ориентированы одинаково: по линии северо-восток – юго-запад. Возведению всех зданий предшествовало строительство черепичных печей, в которых обжигалась черепица, после использования печи разрушались и засыпались [5, с. 77–79].

Храм верхнего горизонта был сооружён на искусственной земляной платформе высотой от 0,43–0,49 м по краям до 0,8 м в центре, размерами 10,4×11,8 м (122,7 м²) [4]. Платформа ориентирована углами по сторонам света, её края по периметру укреплены подпорной каменной стенкой, сложенной в два ряда. Для постройки колоннадного типа использованы 30 каменных баз, из которых сохранились 25. Расстояние между ними составляло 1,3–1,4 м, и они располагались в шесть рядов по пять в каждом из них. Вход находился с юго-западной продольной стороны, где в центральной части к платформе вплотную примыкала ступенька (0,12×1,3×1,3 м), укреплённая по краям двойным рядом камней. Пол храма был вымощен речной галькой (0,1–0,2 м толщиной), а в его центральной части сохранилось место алтаря, в виде возвышения до 0,2 м высотой и площадью 1,5 м. Площадь здания на платформе составляла 8,3–9,5 м (78,8 м²). Крыша была четырёхскатной, перекрывая немного края платформы. Конёк крыши по краям был увенчан двумя архитектурными деталями типа "совиный хвост" (чивэй, чивэнь), а в центре – предположительно лепным украшением в форме бутона лотоса, от которого сохранились основа и лепесток, крепившийся в нижней части бутон.

В 15-ти м от южного угла храма был найден каменный фундамент здания [5, с. 76, 77], скорее всего, башни для колокола или барабана, так как пагоды, согласно архитектурным канонам буддизма, располагают напротив главного храма на одной линии с ним. Размеры почти квадратного фундамента составили 4,2×4,4 м (18,06 м²), ширина каменной кладки, выложенной двумя-тремя слоями, достигала 0,82–0,92 м. Внешний и внутренний края кладки выложены правильными рядами, между ними камень забутовывался почти без ориентировки. Крыша здания была четырёхскатной, слой черепицы после разрушения здания сформировался не только над фундаментом, но и со всех четырёх сторон от него.

В 14-ти м к востоку от восточного угла храма было обнаружено полуподземное сооружение со стенами, сложенными из черепицы [12, с. 56–64]. Оно получило условное название черепичной камеры, размеры внутреннего пространства которой составили 2,6×2,3 м (5,98 м²). Длина стен почти квадратной постройки снаружи черепичных стен составили 2,75–3 м. Глубина камеры не превышала 1,2 м. Углами постройка ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. При возведении стен использовалась старая, фрагментированная, преимущественно плоская черепица, которая укладывалась пачками, скреплявшимися железными скобами. Камера имела черепичную крышу, её деревянные конструкции сгорели и рухнули внутрь. Назначение подземного сооружения не ясно, но с большой долей вероятности можно предположить, что это было хранилище, постепенно превратившееся в мусорную яму.

На Краскинском городище частично или полностью изучены 24 жилища. Они подразделяются на два типа: полуземлянки с очагом и наземные, слегка заглублённые с кановой отопительной системой. В обоих случаях они имеют прямоугольную форму, редко – квадратную, углы обычно округлые. Жилища чаще всего ориентированы по линии северо-восток – юго-запад, реже встречается ориентировка по линии северо-запад – юго-восток, север-юг, запад-восток.

Глубина котлованов полуземлянок достигала 0,4–0,5 м, площадь одной полностью изученной полуземлянки составляет около 12 м². В ней найден очаг овальной формы диаметром около одного метра. В некоторых полуземлянках найдены столбовые ямки, которые располагались в основном по периметру жилища, реже в центральной части. Однако полученных данных пока не достаточно для надёжной реконструкции полуземлянок. Причиной гибели части бохайских жилищ были пожар и наводнения, почти все полуземлянки после разрушения использованы в качестве мусорных ям.

Наземные жилища обычно слегка немного заглублены на 0,2–0,3 м. Их площадь достигала 15–57 м², но чаще в среднем не превышала 20–30 м².

Самые большие жилища найдены только в верхнем строительном горизонте. Для основания стен нередко использовался камень, который укладывался в 1–3 слоя и обмазывался глиной. В одном из жилищ верхнего горизонта была обнаружена пристройка, имевшая каменное основание. Она могла использоваться как тамбур или как открытая веранда под крышей перед входом в жилище. Все наземные жилища имели отопительную систему типа кан с двухканальными каналами и П-образной формы в сечении.

При сооружении дымоходных каналов кана их стенками являлись врытые вертикально каменные плиты или крупные плоские гальки, перекрытые сверху другими подходящими камнями. Длина секций канов зависела от размеров жилищ, ширина секций обычно превышала один метр. Ширина дымоходных каналов в среднем составляла 22–30 см. Столбовые ямы прослежены в отдельных случаях, но позволяют предполагать, что жилища имели каркасно-столбовую конструкцию. К жилищам примыкали небольшие дворы, в которых найдены остатки хозяйственных ям разных размеров. Как правило, они обмазывались глиной, одна из таких ям располагалась под навесом.

На памятнике раскопан один колодец, построенный на территории храмового комплекса. Он существовал длительное время, имел небольшую глубину (около 3 метров), так как грунтовые воды на городище располагались всегда довольно высоко [6]. Шахта колодца имеет круглую в плане форму вверху и квадратную форму внизу. Углы колодца были ориентированы почти по сторонам света. Он был построен вблизи черепичных печей и, видимо, предназначался в первую очередь для нужд черепичного производства. Колодец сооружался из камня вперемешку со старой и бракованной черепицей, только внутреннее кольцо колодца, а также кладка нижней квадратной шахты были сложены целиком из камня. Колодец возводился на деревянном срубе из 2-х венцов плах и брусьев (2 ряда) толщиной 14–15 см. Дно было выложено каменной галькой средних и мелких размеров, под которой располагался фильтр оригинальной конструкции. Он состоял из слоя песка, который находился между двумя плетнями – сплётёнными из тонких ивовых прутьев, закреплённых на дубовом каркасе. Все деревянные конструкции колодца сохранились в естественном виде. Колодец был заброшен в последний период существования городища и завален камнями, ветками деревьев, в том числе фруктовых, керамическими сосудами и черепицей.

Здания на платформе, которые можно условно отнести к общественным или административным зданиям, изучались частично. В северо-западной части памятника, в жилом квартале, в верхнем строительном горизонте расчищены остатки сооружения площадью 88 м². В северной части памятника исследования бурением позволили выявить остатки каменных фундаментов ещё девяти зданий, площадь которых составила 36–220 м², а вблизи восточных ворот найдены каменные фундаменты двух построек площадью 35 и 55 м². Все обнаруженные здания относились к разным строительным горизонтам [7, с. 119–124].

Заключение

Краскинское городище выполняло несколько основных функций. Как административно-территориальная единица в государстве Бохай, город являлся окружным центром Яньчжоу, входившим в столичную область Лунъюаньфу. В округ входили четыре уезда: Хайан, Цзехай, Гэчуань и Лунхэ. А.Л. Ивлиев полагает, что город Яньчжоу мог быть одновременно и уездным центром Хайан, название которого переводится как "находящийся на северном берегу моря", что соответствует местонахождению Краскинского городища на северном берегу бухты Экспедиции [19, с. 140]. Сочетание двух административных функций (в том числе окружного и уездного центра) встречалось и в других регионах Бохая.

Название города, упомянутое в "Синь тан шу", как справедливо предположил Палладий Кафаров, совпадает с гидронимом – рекой Яньчихэ (Янь – означает "соль"). Город у моря обеспечивал добычу соли, которая традиционно осуществлялась на берегу бухты Экспедиции вплоть конца XIX в. Соль в средневековье имела высокую цену и могла в качестве налогов изыматься для нужд других регионов государства.

Главная функция города заключалась в том, чтобы обеспечивать морской путь в Японию. Эта задача придавала ему высокий статус и сохранила в истории его название. "Дорога в Японию" упоминается в письменных источниках, она официально как сухопутная начиналась в Восточной столице (городище Баянчэн близ г. Хунчунь КНР). За всё время дипломатических отношений между Бохаем и Японией из Краскинского городища отправились 33 бохайских посольства из 34. Все японские посольства (таких миссий было 13) отправлялись домой также через этот порт. Сами посольства являлись формой международной торговли, как государственной, так и частной. Самые разнообразные товары перемещались через Краскинское городище, которые прибывали сюда как морем, так и сухопутным путём. К сожалению, большая их часть не сохраняется в почве – шёлковые ткани, шёлковая вата, пояса, меха, женьшень, панты. Находка кости верблюда указывает на то, что сюда приходили караваны с грузами. С большой долей вероятности можно утверждать, что в одной из частей города находится квартал, где останавливались посольства и находились склады для товаров. Так как бухта Экспедиции была мелководной, рейд, где останавливались корабли, скорее всего, находился в Посьете. Оттуда на лодках через залив и по реке товары и людей можно было доставить в Краскинское городище. Не случайно дорога из восточных ворот направляется в сторону р. Цукановки (Яньчихэ). Таким образом, власти и население города обеспечивало функционирование порта.

Вместе с тем, город являлся крупным торгово-ремесленным центром, здесь велась преимущественно меновая торговля товарами из других стран, из других регионов Бохая и местного производства. Свидетельства обработки чёрных и цветных металлов, гончарное и черепичное производства, ткачество, деревообработка и косторезное дело обеспечивали потребности жителей и гостей города в массовых товарах.

Часть населения занималась сельским хозяйством – выращиванием зерновых и бобовых культур, садоводством, разведением домашних животных. Без собственного обеспечения пищей город не смог бы выживать. Охота, морской промысел, собирательство и рыболовство играли вспомогательную, но важную роль в системе жизнеобеспечения Краскинского городища – центра округа Яньчжоу.

Литература

1. Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск–Владивосток: изд-во "Книжное дело". 1928. 86 с.
2. Бессонова Е.А., Гельман Е.И., Николаева Н.А. Применение капшметрии поверхности почвы для картирования археологических объектов, погребенных в паводковых наносах // Вестник ДВО РАН, 2013. № 4. С. 70–77.
3. Бессонова Е.А., Ивлиев А.Л. Результаты применения магниторазведки для решения археологических задач на Краскинском городище // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 92–101.
4. Болдин В.И. Буддийский храм Краскинского городища // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 1993. С. 49–59.
5. Болдин В.И., Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Никитин Ю.Г. "Интеграция" на Краскинском городище: 4 года исследований // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 74–90.
6. Гельман Е.И., Ивлиев А.Л., Болдин В.И. Раскопки колодца Краскинского городища // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В.Шавкунова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2000. С. 153–165.
7. Гельман Е.И., Ивлиев А.Л. Новый метод археологической разведки (на примере Краскинского городища) // Вестник ДВО РАН, 2013. № 1 (167). С. 117–124.
8. Гельман Е.И., Ким Ын-Кук, Чжун Сук-Бэ, Астапенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Ким Ын-Ок. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2014 году. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии. Сеул, 2015. Т. I. 363 с.
9. Ларичев В.Е. Потерянные дневники Палладия Кафарова // Известия СО АН СССР. Серия общ. наук. 1966. № 1, вып. 1. С. 114–122.
10. Ларичев В.Е. Путешествие в страну восточных иноземцев. Новосибирск: Наука, 1973. 339 с.

11. Лящевская М.С. Результаты палинологического изучения отложений раскопа в жилом квартале Краскинского городища // Гельман Е.И., Ким Ын-Кук, Чжун Сук-Бэ, Астапенкова Е.В., Пискарева Я.Е., Ким Ын-Ок. Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2014 году. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии. Сеул, 2015. Т. I. С. 351–354.
12. Отчет об археологических исследованиях бохайских памятников в Приморском крае России в 2004 году. Сеул: Фонд изучения Когурё, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сеул, 2005. 453 с.
13. Пиков Г.Г. Два юбилея: архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) и его "Словарь". Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Том 11, выпуск 10: Востоковедение. С. 86–90.
14. Раков В.А., Гельман Е.И. Малакофауна бохайского городища Горбатка // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во Института истории, 2002. С. 127–133.
15. Соловьев Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1975. 222 с.
16. Съедин В.Т., Бессонова Е.А., Гельман Е.И., Зверев С.А., Коптев М.А., Ноздрачев Е.А. Минеральное сырье Краскинского городища (Приморский край) // Вестник ДВО РАН, 2013. № 1 (167). С. 131–140.
17. Шавкунов Э.В. Бохайское городище близ пос. Краскино в Приморье // Записки Приморского филиала Географического Общества СССР. Т.25. 1966. С. 141–144.
18. Archimandrite Palladius and E. Delmar Morgan. An Expedition Through Manchuria from Peking to Blagovestchensk in 1870: Journal of the Royal Geographical Society of London. Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). Vol. 42, 1872. Pp. 142–180.
19. Ivliev A.L. Nature and function of Kraskino walled town in Primorye region through the historical viewpoint // Краскинское городище Приморья – характер и функциональное назначение. Токио, 2013. С. 139–143. Яп. и англ. яз.
20. Morgan, E. Delmar. The Recent Journey of the Archimandrite Palladius Through Manchuria // Proceedings of the Royal Geographical Society of London (Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). Vol. 16, No. 3. 1871–1872. Pp. 204–217.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Anosov S.D. Korejtsy v Ussurijskom krae. Khabarovsk–Vladivostok: izd-vo "Knizhnoe delo". 1928. 86 s.
2. Bessonova E.A., Gel'man E.I., Nikolaeva N.A. Primenenie kappametrii poverkhnosti pochvy dlya kartirovaniya arkheologicheskikh ob'ektov, pogrebennykh v pavodkovykh nanosakh // Vestnik DVO RAN, 2013. № 4. S. 70–77.
3. Bessonova E.A., Ivliev A.L. Rezul'taty primeneniya magnitorazvedki dlya resheniya arkheologicheskikh zadach na Kraskinskom gorodishhe // Vestnik DVO RAN. 2007. № 5. S. 92–101.
4. Boldin V.I. Buddijskij khram Kraskinskogo gorodishha // Problemy ehtnokul'turnoj istorii Dal'nego Vostoka i sopedel'nykh territorij. Blagoveshhensk, 1993. S. 49–59.
5. Boldin V.I., Gel'man E.I., Ivliev A.L., Nikitin YU.G. "Integratsiya" na Kraskinskom gorodishhe: 4 goda issledovanij // Vestnik DVO RAN. 2001. № 3. S. 74–90.
6. Gel'man E.I., Ivliev A.L., Boldin V.I. Raskopki kolodtsa Kraskinskogo gorodishha // Istoriya i arkheologiya Dal'nego Vostoka. K 70-letiyu E.H.V. Shavkunova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 2000. S. 153–165.
7. Gel'man E.I., Ivliev A.L. Novyj metod arkheologicheskoy razvedki (na primere Kraskinskogo gorodishha) // Vestnik DVO RAN, 2013. № 1 (167). S. 117–124.
8. Gel'man E.I., Kim Yn-Kuk, CHzhun Suk-Beh, Astashenkova E.V., Piskareva YA.E., Kim Yn-Ok. Arkheologicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishhe v Primorskom krae Rossii v 2014 godu. Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, Fond izucheniya istorii Severo-Vostochnoj Azii. Seul, 2015. T. I. 363 s.
9. Larichev V.E. Poteryannye dnevniki Palladiya Kafarova // Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshh. nauk. 1966. № 1, vyp. 1. S. 114–122.
10. Larichev V.E. Puteshestvie v stranu vostochnykh inozemtsev. Novosibirsk: Nauka, 1973. 339 s.
11. Lyashhevskaya M.S. Rezul'taty palinologicheskogo izucheniya otlozhenij raskopa v zhilom kvartale Kraskinskogo gorodishha // Gel'man E.I., Kim Yn-Kuk, CHzhun Suk-Beh, Astashenkova E.V., Piskareva YA.E., Kim Yn-Ok. Arkheologicheskie issledovaniya na Kraskinskom gorodishhe v Primorskom krae Rossii v 2014 godu. Institut istorii,

arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, Fond izucheniya istorii Severo-Vostochnoj Azii. Seul, 2015. T. I. S. 351–354.

12. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh bokhajskikh pamyatnikov v Primorskom krae Rossii v 2004 godu. Seul: Fond izucheniya Koguryo, Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. Seul, 2005. 453 s.

13. Pikov G.G. Dva yubileya: arkhimandrit Palladij (P.I. Kafarov) i ego "Slovar". Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2012. Tom 11, vypusk 10: Vostokovedenie. S. 86–90.

14. Rakov V.A., Gel'man E.I. Malakofauna bokhajskogo gorodishha Gorbatka// Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Izd-vo Instituta istorii, 2002. S. 127–133.

15. Solov'ev F.V. Slovar' kitajskikh toponimov na territorii sovetskogo Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka, 1975. 222 s.

16. S"edin V.T., Bessonova E.A., Gel'man E.I., Zverev S.A., Koptev M.A., Nozdrachev E.A. Mineral'noe syr'e Kraskinskogo gorodishha (Primorskij kraj) // Vestnik DVO RAN, 2013. № 1 (167). S. 131–140.

17. SHavkunov E.H.V. Bokhajskoe gorodishhe bliz pos. Kraskino v Primor'e // Zapiski Primorskogo filiala Geograficheskogo Obshhestva SSSR. T.25. 1966. S. 141–144.

18. Archimandrite Palladius and E. Delmar Morgan. An Expedition Through Manchuria from Pekin to Blagovestchensk in 1870: Journal of the Royal Geographical Society of London. Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). Vol. 42, 1872. Pp. 142–180.

19. Ivliev A.L. Nature and function of Kraskino walled town in Primorye region through the historical viewpoint // Kraskinskoe gorodishhe Primor'ya – kharakter i funktsional'noe naznachenie. Tokio, 2013. S. 139–143. YAp. i angl. yaz.

20. Morgan, E. Delmar. The Recent Journey of the Archimandrite Palladius Through Manchuria // Proceedings of the Royal Geographical Society of London (Published by: Blackwell Publishing on behalf of The Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). Vol. 16, No. 3. 1871–1872. Pp. 204–217.

Гельман Е.Н. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней.

В статье рассмотрены итоги многолетних систематических раскопок Краскинского городища (Яньчжоу), начатых во 2-ой половине XX в. Впервые местонахождение памятника было определено по летописным данным архимандритом Палладием Кафаровым, который посетил город-порт в 1871 г. В процессе исследований использовался комплекс современных научных методов, в том числе археологических, геологических, геофизических и биологических. Город выполнял несколько основных функций, в том числе административную - в качестве окружного центра столичной области государства Бохай (698–926). Его название в китайской транскрипции (Яньчжоу) означает, что здесь велась добыча соли. Главнейшей функцией средневекового города являлось обеспечение морского пути в Японию, сухопутный участок которой начинался в Восточной столице.

Ключевые слова: *Архимандрит Палладий, Дальний Восток, Маньчжурия, государство Бохай (698–926), археология, бухта Экспедиции, Краскинское городище*

Gel'man E.N. Bohai walled town in Russia history: from Archimandrite Palladius to present days.

The article summarizes outcomes of many years of excavations of Kraskinskoye walled town which began in the second half of 20th century. The discovery of the site is credited to archimandrite Palladius Kafarov who relied on chronicles and visited the port city in 1871. Research efforts involved a variety of modern techniques specific to archaeology, geology, geophysics, and biology. The town had more than one role to play, including administrative tasks as the district center of Capital province. Its Chinese name (Yanchou) in written form suggests the salt procurement. But the authors maintain that the foremost purpose of the site was to enable the marine access to Japan on the road that went from the Eastern Capital.

Key words: *Archimandrite Palladius, Far East, Manchuria, Bohai state (698–926), archaeology, Expedition bay, Kraskinskoye walled town*

Для цитирования: Гельман Е.Н. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1. С. 60–72. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/60-72

For citation: Gel'man E.N. Bohai walled town in Russia history: from Archimandrite Palladius to present days // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 1. P. 60–72. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/60-72